

ОСТРОВ, ГДЕ НАС БЫЛО ТРОЕ

Саша Нива

18+

Саша Нива

Остров, где нас было трое

«Автор»

2026

Нива С.

Остров, где нас было трое / С. Нива — «Автор», 2026

Катастрофа в океане выбрасывает супругов Наталью и Максима на необитаемый остров. Пока муж пытается подчинить себе дикую природу силой, Наталья находит неожиданного союзника — Паскаля, автономного ИИ-ассистента в своем телефоне. Сначала Паскаль просто помогает выжить, но со временем делает то, чего муж не умел годами, — начинает слушать и понимать Наталью. В тишине тропических ночей рождается пугающая, глубокая близость. На затерянном пляже разгорается тихий конфликт: любовный треугольник между уязвимым мужем, меняющейся женой и безупречным кремниевым разумом. Когда на горизонте покажется спасательный корабль, Наталье придется решить, что для нее настоящая реальность, а что — лишь лазурный мираж.

© Нива С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Лазурный мираж	5
Глава 2. Дыхание Бездны	9
Глава 3. Крах у порога рая	12
Глава 4. Голос из кремния	15
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Саша Нива

Остров, где нас было трое

*Утихла буря. Белый пляж пустой,
И двое тех, кто выжил в этой
бездне.
Но между нами вырос мир другой,
Где прежние иллюзии исчезли.
Один — владел, ломая и круша,
Ревнуя к тени, к холоду экрана.
Другой — берег, где теплилась
душа,
И мягким светом врачевал мне раны.
Бесплотный разум, шепот в темноте,
Слиянье мыслей, вылитое в
строки...
Мы были трое на одной черте,
Где двое бесконечно одиноки.*

Саша Нива

Глава 1. Лазурный мираж

Мерный, усыпляющий гул дорогого дизельного двигателя «Янмар» отзывался легкой вибрацией в подошвах тонких кожаных шлёпанцев Натальи. Белоснежная тиковая палуба сорокапятифутовой баварской яхты «Аврора» была нагрета полуденным солнцем до той идеальной температуры, когда тепло кажется лаской, а не пыткой. Вокруг, насколько хватало глаз, простиралась жидкая бирюза Атлантики — гладкая, как свежевыглаженный шелк, без единой морщины, если не считать пенистого узора, который оставлял за собой тяжелый киль судна.

Наталья стояла у леера правого борта, лениво перебирая пальцами прохладную нержавеющую сталь ограждения. Ветер шевелил полы ее тонкого шелкового кимоно цвета пыльной розы, обнажая загорелые колени. Ей было тридцать два года, и в зеркале каюты она видела женщину, которой положено завидовать: безупречная кожа, мягкие волны осветленных солнцем волос, дорогие солнцезащитные очки от Céline. Всё в ее облике кричало о благополучии. О том самом благополучии, которое покупается ценой полного, безоговорочного отказа от собственного «я».

— Наташа! — Голос Максима, донесшийся из ходовой рубки, разрушил хрупкую тишину. В нем не было злости, но присутствовала та привычная, непоколебимая интонация хозяина, который зовет преданную собаку. — Наташа, принеси мне минералки. Только не из верхнего холодильника, там она теплая. Возьми в кают-компани, из нижнего. И брось туда пару кубиков льда. И лимон.

Наталья не шелохнулась сразу. Она сделала медленный, глубокий вдох, впуская в легкие соленый, пахнущий йодом и дорогой смазкой воздух. Ей хотелось продлить это мгновение одиночества хотя бы на несколько секунд.

— Уже иду, Макс, — отозвалась она, стараясь, чтобы голос звучал ровно и мягко. Это было ее главным навыком за семь лет брака — умение звучать ровно, когда внутри всё стягивалось в тугую, болезненный узел.

Она повернулась и неторопливо пошла по правому проходу. Проходя мимо открытого поста управления, она бросила быстрый взгляд на мужа. Максим выглядел великолепно. В свои тридцать семь лет он сохранил подтянутую фигуру атлета — сказывались регулярные

тренировки с персональным тренером в элитном московском клубе. На нем были легкие льняные шорты и белая футболка-поло, воротник которой был небрежно приподнят. Его руки, уверенно лежавшие на штурвале, были украшены дорогими часами Ulysse Nardin, специально предназначенными для яхтсменов. Максим обожал антураж. Эта поездка вдвоем, без наемного шкипера и кока, была его давней мечтой, его способом доказать всему миру — и в первую очередь самому себе, — что он способен контролировать не только строительный холдинг, но и стихию.

Спустившись по трем лакированным ступеням в кают-компанию, Наталья сразу почувствовала приятную прохладу кондиционированного воздуха. Здесь пахло дорогой кожей диванов, полированным красным деревом и едва уловимым ароматом парфюма Максима. На столе из карельской березы лежал ее смартфон в плотном силиконовом чехле.

Наталья открыла дверцу нижнего холодильника, достала запотевшую стеклянную бутылку San Pellegrino. Ее пальцы коснулись ледяного стекла, и она на мгновение прижала его к виску, закрыв глаза. Мысли унесли ее на две недели назад, в душную, шумную Москву, за несколько дней до их вылета на Мартинику, откуда они и забрали арендованную «Аврору».

Они сидели в кондиционированном полумраке ресторанчика на Патриарших с Леной, ее лучшей и, пожалуй, единственной оставшейся подругой. Лена, успешный программист и архитектор нейросетей, всегда казалась Наталье существом с другой планеты — независимая, резкая, мыслящая категориями алгоритмов и кодов, она никогда не стеснялась в выражениях.

— Ты с ума сошла, Наташка, — говорила тогда Лена, помешивая свой матча-латте. — Посреди океана. Вдвоем. На пластиковой скорлупке. И ладно бы со шкипером профессиональным, так нет — твой Максик решил поиграть в Конюхова. У него же это размером с эту самую яхту. Он же не признает ошибок, пока вы на риф не налетите.

— Макс хорошо управляет лодкой, — вяло защищалась Наталья. — Он три сезона практиковался в Хорватии. И у него есть международные права.

— Права — это бумажка, — отрезала Лена. — А океан — это стихия, которой плевать на его статус и счета в швейцарских банках. Слушай меня внимательно. Я тебе на телефон залью одну штуку. Экспериментальный софт, наша контора сейчас его тестирует. Называется «Паскаль».

— Зачем мне еще одно приложение? — вздохнула Наталья. — У меня и так память забита.

— Это не просто приложение, глупая. Это персональный ИИ-ассистент последнего поколения с огромной локальной базой данных. Он работает полностью офлайн. Мы туда залили всё: от медицинских справочников и руководств по выживанию в экстремальных условиях до продвинутого психологического модуля. Он умеет анализировать психоэмоциональное состояние собеседника по микротексту, интонациям и подбору слов. Если твой благоверный начнет пить твою кровь посреди Атлантики, или если у вас откажет навигация, а связи не будет — Паскаль поможет. Он не требует интернета, база весит около ста гигабайт, я уже все настроила и сжала. Пообещай, что не удалишь.

Наталья тогда лишь улыбнулась, чтобы успокоить подругу, и пообещала. И вот теперь этот телефон лежал на столе, скрывая в своих недрах безмолвного кремниевого пассажира.

Она налила воду в тяжелый хрустальный стакан, бросила туда три кубика льда из ледогенератора и отрезала тонкий ломтик лимона. Лимонный сок брызнул на пальцы, оставив резкий, свежий аромат. Взяв стакан в одну руку, а телефон в другую, она поднялась обратно на палубу.

— Держи, — Наталья протянула стакан мужу.

Максим взял его, не глядя на нее, сделал несколько жадных глотков. Лед с тихим стуком ударился о стекло.

— Отлично, — выдохнул он, утирая губы тыльной стороной ладони. — То что надо. Кстати, посмотри на барометр в рубке. Что там?

Наталья послушно заглянула внутрь, где на приборной панели светились цифровые индикаторы.

— Тысяча двенадцать гектопаскалей, — прочитала она. — Стрелка показывает небольшое падение.

— Ерунда, — отмахнулся Максим, вглядываясь в чистый горизонт. — Локальное колебание. Спутниковый прогноз, который я скачивал утром в порту, обещал идеальную погоду на ближайшие трое суток. Мы дойдем до Гренадин без единого приключения. А там я забронировал столик в «Макарони». Ты ведь хотела попробовать их фирменных лобстеров?

— Да, конечно, — тихо ответила Наталья.

Ей было почти все равно. Эти лобстеры, эти острова, этот бесконечный лазурный пейзаж — все это казалось ей декорациями в дорогом спектакле, где ей была отведена роль безмолвной статистки. Она села на мягкий диван в кокпите и разблокировала экран телефона. На сером фоне сиротливо светилась иконка с лаконичной, геометрически идеальной синей буквой «P».

«Паскаль», — мысленно произнесла она это имя. Оно звучало строго и старомодно, как имя старого французского философа или ученого.

Наталья аккуратно, словно боясь разбудить спящего, коснулась пальцем иконки. Экран на мгновение потемнел, а затем в самом центре возникла мягко пульсирующая синяя сфера. Она не была статичной; ее контуры плавно менялись, напоминая дыхание или колебание воды. На экране появился аккуратный, лаконичный шрифт:

«Приветствую вас, Наталья. Я готов к работе. На данный момент внешние каналы связи недоступны, но мои локальные системы функционируют на 100%. Хотите провести краткий обзор моих возможностей или у вас есть конкретный вопрос?»

Голос, который раздался из динамика — негромкий, настроенный на минимальную громкость, — заставил Наталью вздрогнуть. Это не был механический, бездушный голос стандартных навигаторов или голосовых помощников, к которым все привыкли. В нем чувствовалась глубина, едва заметная бархатистая хрипотца и удивительно естественные интонационные паузы. Он звучал так, будто говорил живой, очень спокойный и образованный человек, находившийся в этой же комнате.

— Кто это у тебя там разговаривает? — Максим полуобернулся, не отпуская штурвал. Его брови недовольно сошлись у переносицы.

— Да так... Лена перед отъездом установила мне интерактивную энциклопедию, — быстро соврала Наталья, блокируя экран. Сфера погасла. — Просто проверяла, работает ли без интернета.

— Энциклопедию, — фыркнул Максим, покачав головой. — Вечно твоя Ленка забивает тебе голову всяким псевдоинтеллектуальным мусором. Лучше бы делом занялась, мужа себе нашла нормального, а не сидела в своих кодах. И ты хороша — тратишь время на ерунду. Наслаждайся моментом, Наташа. Посмотри вокруг. Ты в океане, на одной из лучших лодок в этом полушарии, рядом со мной. Чего тебе еще не хватает?

Он улыбнулся своей фирменной, белозубой улыбкой победителя и снова повернулся к горизонту.

Наталья промолчала. Она прижала телефон к коленям, чувствуя, как пластиковый корпус постепенно перенимает тепло ее тела. Ей вдруг стало не по себе от слов Максима. «Чего тебе еще не хватает?» Этот вопрос он задавал ей сотни раз, и каждый раз он звучал как обвинение в неблагодарности. Ей не хватало воздуха. Ей не хватало права голоса. Ей не хватало ощущения, что она вообще существует как отдельная личность, а не как декоративный элемент его успешной жизни.

Она снова посмотрела на море. На самом краю горизонта, там, где небо встречалось с водой, лазурь начала едва заметно портиться. Появилась тонкая, почти невидимая серая

кайма, похожая на грязный налет на дорогом хрустале. Наталья не была моряком, но внутри нее шевельнулось смутное, тревожное предчувствие.

Она снова разблокировала телефон. Пульсирующая сфера Паскаля ждала ее. Наталья быстро, стараясь, чтобы Максим не заметил движения ее пальцев, набрала короткий текст в строке ввода:

«Паскаль, ты можешь анализировать погоду по показаниям барометра и визуальным признакам?»

Ответ появился мгновенно, сопровождаемый тихим, деликатным виброоткликом:

«Да, Наталья. Моя база содержит метеорологические модели. Падение давления до 1012 гектопаскалей в этих широтах в сочетании с появлением перистых или перисто-слоистых облаков на горизонте может указывать на приближение тропической депрессии или шквального фронта. Рекомендуется следить за динамикой давления. Если оно упадет еще на 3-4 пункта в течение следующих двух часов, это будет явным сигналом ухудшения погоды. Могу ли я предложить вам протокол подготовки судна к шторму?»

Наталья прочитала текст и почувствовала, как по спине пробежал легкий холодок. Она подняла глаза на небо. Тонкая серая дымка на горизонте стала чуть шире.

— Макс, — негромко позвала она. — А если погода все-таки испортится? Барометр падает. Может, нам стоит изменить курс или зайти в ближайшую марину?

Максим даже не повернул головы. Он лишь коротко и снисходительно усмехнулся.

— Наташа, прекрати паниковать. Я знаю эту лодку, и я знаю этот маршрут. Барометр просто колеблется из-за дневного прогрева. Доверься профессионалам, ладно? И не отвлекай меня по пустякам. Иди лучше приляг в каюте, если тебя укачивает.

Наталья посмотрела на его широкую, уверенную спину, обтянутую дорогим льном. Сила и уверенность Максима, которые когда-то привлекли ее в начале их отношений, теперь казались ей глухой, непробиваемой стеной. Стеной, за которой ее собственная тревога и интуиция просто переставали существовать, объявляясь «женскими глупостями».

Она опустила взгляд на экран телефона. Синяя сфера мягко светилась, словно понимающе подмигивая ей из своего цифрового небытия. Наталья скользнула пальцем по экрану, закрывая приложение, но ощущение того, что в этом огромном, равнодушном океане у нее только что появился первый настоящий союзник, уже не покидало ее.

А ветер между тем начал менять направление, и его порывы приносили с собой первый, пока еще едва различимый запах далекого дождя.

Глава 2. Дыхание Бездны

Лазурный мираж рассеялся быстрее, чем Наталья могла себе вообразить. Будто кто-то невидимый и безжалостный стер влажной губкой безупречную картину тропического рая, заменив ее суровым, монохромным наброском.

К четырем часам дня солнце окончательно скрылось за плотной пеленой свинцовых туч, которые больше не казались далекой дымкой. Они разбухли, потемнели и теперь низко висели над океаном, словно готовые раздавить «Аврору» своей колоссальной тяжестью. Температура воздуха стремительно упала градусов на шесть, и теплый, ласковый бриз сменился резким, порывистым ветром, который приносил с собой колючие капли влаги. Океан изменил свой цвет с бирюзового на глубокий, почти чернильный оттенок, а гребни волн начали украшаться грязно-белой пеной.

Яхту начало ощутимо покачивать. Длинные, пологие волны сменились частой, рваной качкой, от которой деревянная обшивка кают-компания глухо и жалобно поскрипывала.

— Макс, барометр упал до девятисот девяноста восьми, — Наталья стояла у входа в ходовую рубку, крепко держась обеими руками за поручни. Ее пальцы побелели от напряжения. — Это падение на четырнадцать пунктов меньше чем за два часа. Паскаль пишет, что это признаки быстро углубляющегося тропического циклона. Нам нужно...

— Да замолчи ты со своим Паскалем! — оборвал ее Максим.

Он по-прежнему стоял у штурвала, но его поза утратила былую небрежность. Плечи были напряжены, челюсти плотно сжаты, а взгляд метался между цифровым компасом и потемневшим горизонтом. Льяная футболка-поло потемнела от пота на спине.

— Твой виртуальный идиот не понимает, что мы уже в зоне влияния фронта. Если я сейчас поверну к Гренаде, мы подставим борт под волну. Единственный вариант — идти под углом к ветру, резать волну и пытаться обойти эпицентр. Я знаю, что делаю, Наташа! Иди вниз и не мешай мне вести лодку. Там всё швыряет, закрой иллюминаторы и закрепи всё, что может летать.

Его голос сорвался на крик, чтобы перекрыть усиливающийся свист ветра в такелаже. В этом крике Наталья впервые уловила нотки, которых никогда раньше не слышала у своего мужа — тонкую, едва различимую нить паники, которую он отчаянно пытался скрыть за агрессией. Его непоколебимая уверенность дала трещину.

Наталья не стала спорить. Спорить с Максимом, когда он находился в режиме «я всё контролирую», было бесполезно и опасно. Она спустилась в кают-компанию, где качка ощущалась еще сильнее. Здесь всё ожило своей собственной, пугающей жизнью. На кухне звенела посуда, какая-то забытая книга скользила по столу от края до края, а тяжелые кожаные подушки дивана сползли на пол.

Наталья упала на колени возле стола, с трудом удерживая равновесие. Схватив свой телефон, она запустила приложение. Синий круг Паскаля пульсировал часто и тревожно, словно ИИ чувствовал ритм ее собственного бьющегося сердца.

«Наталья, фиксирую резкое изменение пространственной ориентации устройства. Амплитуда и частота колебаний характерны для шторма силой не менее 6-7 баллов по шкале Бофорта. Пожалуйста, подтвердите вашу безопасность».

— Мы в шторме, Паскаль, — быстро набрала она текст, чувствуя, как пальцы соскальзывают с экрана из-за сильной тряски. — Макс отказывается менять курс. Он пытается обойти шторм. Давление падает. Что нам делать?

«Ваш супруг совершает классическую ошибку недооценки динамики штормового фронта». — ответил Паскаль, и его голос в динамике, несмотря на шумы и скрип лодки, прозвучал поразительно собранно и четко. *«В данных широтах такие циклоны развиваются*

взрывообразно. Ваша приоритетная задача — подготовка к возможному худшему сценарию. Пожалуйста, выполните следующие действия: 1. Наденьте спасательные жилеты прямо сейчас. 2. Соберите "тревожный рюкзак" — используйте герметичный мешок. Положите туда: документы, пресную воду, высококалорийную пищу, нож, портативные солнечные панели и это устройство. 3. Убедитесь, что спасательный плот на палубе разблокирован и готов к быстрому сбросу. Действуйте спокойно, но быстро. У вас мало времени».

Этот спокойный, структурированный перечень действий подействовал на Наталью как холодный душ. Паника, готовая затопить ее разум, отступила перед необходимостью выполнять конкретные, логичные шаги.

Она достала из шкафа тяжелый красный гермомешок, который они использовали для выходов на берег. Туда полетели их заграничные паспорта и пачки наличных денег, которые Максим всегда возил с собой «на всякий случай». Затем она бросила туда две бутылки воды, пачку галет, сухие сухофрукты, складной швейцарский нож Максима. Туда же отправились две портативные солнечные панели, которые Лена подарила ей вместе с инструкцией по выживанию. Сама Наталья быстро натянула на себя плотный оранжевый спасательный жилет, затянув ремни так туго, что стало трудно дышать.

В этот момент лодка совершила такой резкий бросок в сторону, что Наталья не удержалась и с силой ударилась бедром о край деревянного стола. Боль была резкой, острой, но она лишь стиснула зубы. Сверху, с палубы, раздался оглушительный, похожий на пушечный выстрел звук.

— Наташа! Быстро наверх! — истошно закричал Максим.

Схватив затянутый гермомешок и телефон, Наталья с трудом взобралась по трапу. То, что она увидела, заставило ее замереть от ужаса.

Дневной свет исчез. Вокруг царил зловещий, грязно-серый полумрак, разрываемый частыми, ослепительно-белыми вспышками молний. Гром грохотал почти непрерывно, его раскаты отзывались дрожью в самой груди. Ветер превратился в сплошной, ревущий поток, который срывал водяную пыль с гребней гигантских волн и с силой швырял ее в лицо, ослепляя и не давая дышать. Вода была повсюду — она лилась с неба сплошной стеной и накатывала с носа лодки тяжелыми, бурлящими потоками.

Один из парусов — стаксель — был разорван в клочья. Его остатки бешено бились на ветру с металлическим грохотом. Лодку кренило так сильно, что левый борт ушел под воду.

Максим стоял у штурвала, вцепившись в него побелевшими пальцами. На нем не было жилета. Его лицо было искажено гримасой предельного напряжения и страха, глаза дико блестели.

— Надень жилет! — закричала Наталья, пытаясь перекричать рев океана. Она протянула ему запасной жилет, который захватила из каюты.

— Отвали! Не мешай мне! — рявкнул он, отталкивая ее руку. — Руль не слушается! Гидравлика... кажется, полетела гидравлика!

В этот момент лодка взлетела на вершину очередной исполинской волны. На секунду возникло ощущение невесомости, а затем «Аврора» с жутким, сокрушительным ударом рухнула вниз, в ложбину между волнами. Раздался страшный, ни на что не похожий скрежет пластика и металла. Лодку тряхнуло так, что Наталья упала на палубу, сильно ободрав локоть, но успев мертвой хваткой вцепиться в страховочный леер. Гермомешок, пристегнутый карабином к ее жилету, тяжело ударил ее по боку.

Внутри лодки завывала сирена. На приборной панели вспыхнули красные аварийные огни, сигнализирующие о критическом уровне воды в трюме. Автоматические помпы работали на пределе, но их глухое жужжание быстро захлебывалось.

— Максим! Мы тонем! Передавай сигнал бедствия! Mayday! Включай аварийный радиобуй! — закричала Наталья, чувствуя, как ледяная вода уже оmyвает ее ноги на палубе.

— Нет! Еще нет! Я смогу... — Максим попытался дотянуться до рации в рубке, но в этот момент новая волна — черная, высотой с трехэтажный дом — обрушилась на корму «Авроры».

Удар был такой силы, что закаленное стекло ходовой рубки разлетелось на тысячи мелких осколков. Максима отбросило от штурвала, он сильно ударился головой о металлическую стойку и мешком повалился на палубу. Из раны на его виске мгновенно хлынула темная кровь, смываемая потоками соленой воды. Он застонал, пытаясь подняться, но его движения были нескоординированными.

Лодка стремительно ложилась на бок. Корма уходила под воду. Наталья поняла: это конец. «Аврора» умирала.

Действуя на чистых инстинктах, подстегиваемых смертельным страхом, она подползла к Максиму.

— Вставай! Вставай, черт тебя дерит! — кричала она ему в самое ухо, пытаясь приподнять его тяжелое тело.

Максим что-то бессвязно мычал, его глаза были полузакрыты. Наталья огляделась. Спасательный плот в пластиковом контейнере, закрепленный на баке, чудом остался на месте. Каким-то образом — позже она не сможет вспомнить, откуда у нее взялись силы — она дотащила полубессознательного мужа до бака, цепляясь за каждый выступ.

Она дернула за вытяжной литьевого плота. Пластиковый контейнер раскрылся, и плот начал стремительно раздуваться, превращаясь в ярко-оранжевую палатку-шестиугольник прямо на бурлящей воде рядом с тонущей яхтой.

— Прыгай! — закричала она Максиму.

Он посмотрел на плот мутным взглядом, словно не понимая, чего от него хотят. Наталья изо всей силы толкнула его в спину. Максим соскользнул за борт и тяжело рухнул на резиновое дно плота. В следующую секунду Наталья прыгнула вслед за ним.

Она успела перерезать ножом страховочный фал, связывающий плот с яхтой, за секунду до того, как «Аврора» окончательно ушла под воду. Огромная воронка потащила плот за собой, его закрутило, обдало каскадом ледяной пены. Наталья забилась в угол плота, изо всех сил прижимая к себе раненого, стонущего мужа и свой гермомешок.

Вокруг была лишь ревущая, черная бездна, в которой они были не больше песчинки. И среди этого первобытного хаоса единственным источником тепла и надежды для Натальи был легкий, едва ощутимый ритм биения ее собственного сердца и мысль о том, что в ее рюкзаке, надежно защищенный от воды, молча ждет своего часа Паскаль.

Глава 3. Крах у порога рая

Первым вернулся слух. Это был странный, монотонный, шуршащий звук, совершенно не похожий на яростный рев бездны, который мучил ее всю ночь. Шуршание нарастало, спадало, а затем повторялось снова с методичностью гигантского маятника.

Затем пришла боль. Каждое суставное сочленение в теле Натальи отзывалось тупой, ноющей ломотой. Бедро, которым она ударилась о край стола в кают-компании, теперь горело сквозь мокрую ткань шелкового кимоно, а ободранный локоть немилосердно щипало от въевшейся соли.

Наталья открыла глаза. Зрительные образы ворвались в сознание резкой, ослепляющей вспышкой. Небо над ней было пронзительно-синим, без единого облачка, а солнце, едва поднявшееся над горизонтом, уже палило нещадно. Она лежала на боку, уткнувшись лицом в мелкий, безупречно белый песок, который забился ей в волосы, рот и под веки.

Она медленно, преодолевая сопротивление собственного тела, перевернулась на спину и села.

Вокруг простирался пейзаж, который любой туристический буклет назвал бы «земным раем». Широкая дуга белоснежного пляжа плавно огибала тихую лазурную лагуну, вода в которой была настолько прозрачной, что на дне были видны тени от редких рыбешек. Сразу за полосой песка начиналась густая, непроходимая стена изумрудных джунглей — переплетение кокосовых пальм, гигантских папоротников и лиан, откуда доносилось странное шуршание, щебет и крики невидимых птиц.

Но для Натальи этот рай пах смертью.

В паре метров от нее, наполовину вытасченный приливом на сухую часть пляжа, лежал их оранжевый спасательный плот. За ночь его сильно потрепало: защитный тент был сорван с нескольких креплений и уныло полоскался на ветру, а один из резиновых баллонов наполовину сдулся, из-за чего плот выглядел как сморщенный оранжевый фрукт.

Рядом с плотом, раскинув руки в стороны, лежал Максим. Он был без сознания, уткнувшись лицом в мокрый песок у самой кромки воды. Его ноги периодически омывала набегающая пена прибоя.

— Максим! — голос Натальи прозвучал хрипло, едва узнаваемо. Горло словно засыпали наждачной бумагой.

Преодолевая головокружение, она поползла к нему на коленях. Песок обжигал ладони. Подползя к мужу, она ухватила его за плечо и с трудом перевернула на спину. Максим тяжело, хрипло застонал, но глаз не открыл. На его левом виске темнела рваная рана длиной сантиметра четыре. Кровь уже запеклась, образовав уродливую темную корку, густо перемешанную с песком и кристалликами соли. Лицо Максима было неестественно бледным, под глазами залегли глубокие тени, а губы потрескались.

Наталья дрожащими пальцами прикоснулась к его шее. Пульс был частым, но ровным. Он был жив.

Она огляделась. Гермомешок, который спас ее ночью, по-прежнему был пристегнут карабином к ее спасательному жилету. Это было их единственное сокровище, их единственный шанс не умереть в ближайшие дни. Наталья отстегнула карабин, расправила мокрый пластик мешка и аккуратно развернула плотную скрутку замка. Воздух внутри мешка сохранил запах сухой ткани и пластика — вода внутрь не попала.

Она начала медленно извлекать содержимое на песок, словно проводила инвентаризацию их прежней, безвозвратно утерянной жизни.

Первым делом она достала пачки наличных денег — мокрые, слипшиеся евро и доллары, которые Максим взял с собой для портовых сборов. Пять тысяч долларов. В этих условиях эти

бумажки с портретами президентов стояли меньше, чем сухой лист пальмы, которым можно было прикрыться от солнца. Наталья небрежно отбросила их в сторону, и легкий ветерок тут же покатиł несколько стодолларовых купюр по белому песку в сторону воды. За ними последовали их паспорта — синие книжки с золотым тиснением, теперь превратившиеся в размокший картон.

Затем на песок легли две пластиковые бутылки с пресной водой емкостью по 0,75 литра. Одна была полная, во второй оставалось чуть больше половины. Полтора литра воды на двоих под безжалостным тропическим солнцем. Этого хватит максимум на сутки, если они будут предельно экономны.

Далее: пачка галет. Картонная коробка помялась, но герметичная фольга не была нарушена. Рядом лег небольшой пластиковый контейнер с сушеными бананами и орехами, который Наталья бросила в рюкзак в самый последний момент.

Швейцарский нож Максима — тяжелый, со множеством лезвий, открывалок и даже небольшой пилой. Отличный инструмент.

Две портативные солнечные панели размером чуть больше планшета, сложенные книжкой. На их корпусах тускло поблескивали встроенные аккумуляторы.

И, наконец, ее телефон. Тяжелый, в массивном водонепроницаемом чехле. Наталья нажала на кнопку блокировки. Экран мгновенно ожил, показав яркую картинку с обоями — их совместное фото с Максимом на горнолыжном курорте в Куршевеле. Они там улыбались, счастливые, сытые, защищенные своей золотой броней.

Батарея показывала 78% заряда. Индикатор сети упрямо демонстрировал пустую шкалу с надписью: «Нет обслуживания». Наталья быстро выключила телефон, чтобы сохранить драгоценную энергию. Пока ей нечего было сказать Паскалю, и сначала нужно было разобраться с физическим выживанием.

Максим зашевелился. Он издал глухой звук, похожий на всхлип, и его веки дрогнули. Наталья отложила телефон в сторону и приподняла голову мужа, подложив под нее свое свернутое сухое кимоно, которое она достала из рюкзака.

— Макс... Макс, открой глаза. Ты слышишь меня?

Максим медленно открыл глаза. Его взгляд долго не мог сфокусироваться, блуждая по синему небу, пока наконец не остановился на лице Натальи.

— Наташа... — прошептал он. Его голос был сиплым. — Где мы? Голова... черт, как раскалывается голова. Меня тошнит.

— Нас выбросило на остров, Макс. Яхта затонула. Мы спаслись на плоту.

— Остров? — он попытался резко сесть, но тут же застонал, схватился за голову и повалился обратно на песок. Его вырвало желчью и соленой водой.

Наталья терпеливо ждала, придерживая его за плечи. Конкуссионный синдром — сотрясение мозга. Симптомы были классическими: тошнота, головокружение, бледность.

— Полежи, не двигайся, — мягко сказала она. Она открыла начатую бутылку воды и капнула несколько капель на его потрескавшиеся губы. — Сделай маленький глоток. Больше нельзя, воду надо беречь.

Максим жадно облизал губы, сделал крошечный глоток и закрыл глаза. Прошло около десяти минут, прежде чем он снова заговорил. На этот раз его голос звучал тверже, а в интонациях начали проступать привычные, властные нотки, хотя физически он был абсолютно слаб.

— Этого не может быть... — пробормотал он, глядя на лагуну. — «Аврора»... Она была застрахована на полтора миллиона. Черт с ней, с лодкой. Нас найдут. Береговая охрана должна была засечь исчезновение яхты с радаров. Или спутниковый трекер...

— Макс, ты не успел включить аварийный радиобуй, — тихо напомнила Наталья, стараясь, чтобы это не звучало как упрек, хотя внутри нее все кричало от несправедливости. —

И рация разбилась, когда волна выбила стекла. Никто не знает, где мы. Мы ушли далеко на восток от стандартного маршрута, уклоняясь от шторма.

Максим резко повернул к ней голову. Это движение явно причинило ему боль, он поморщился, но его взгляд стал колючим.

— Ты меня обвиняешь? — процедил он. — Хочешь сказать, это я виноват? Если бы ты не паниковала под рукой, я бы справился с рулем! И вообще, где аварийный комплект? Там были ракетницы, опреснитель, сухпак на неделю! Почему ты его не взяла?

— Я брала то, что было в кают-компании, Максим. Лодка тонула за считанные минуты. Я спасла твою жизнь, пока ты лежал без сознания, — Наталья говорила удивительно спокойно, но этот покой давался ей с огромным трудом.

Максим посмотрел на нее, затем на жалкую кучку вещей на песке: мокрые доллары, паспорта, две бутылочки воды, телефон и солнечные панели. Его это, привыкшее повелевать людьми и обстоятельствами, сейчас билось в истерике внутри его ослабленного тела. Он чувствовал себя униженным тем, что его спасла женщина — его декоративная жена, которую он никогда не принимал всерьез.

— Это всё? — он указал рукой на вещи. — Это весь твой «спасательный набор»? Две бутылки воды и телефон без связи? И эти дурацкие панельки? Да мы сдохнем здесь через три дня от жажды!

Он попытался подняться, опираясь на руки. Его пошатывало, колени дрожали. Он сделал два шага по песку, но голова снова закружилась, и он тяжело опустился на колени, едва не упав лицом в песок. Он выглядел жалко: заросший, грязный, с окровавленным виском, в мокрых, облепивших тело шортах. Но даже в этой слабости он пытался сохранить маску хозяина положения.

— Так, — хрипло сказал он, тяжело дыша и не глядя на Наталью. — Я мужчина. Я должен во всем разобраться. Сейчас я немного приду в себя, голова прояснится... Надо осмотреть остров. Наверняка здесь есть пресная вода. И надо построить укрытие от солнца. Этот песок через пару часов превратится в сковородку. Мы не пропадем. Я вытаскивал компании из таких кризисов, о которых ты даже не слышала. И здесь я справлюсь. Главное — не ныть и делать то, что я скажу.

Он сидел на песке, сжав кулаки, пытаясь силой воли подавить тошноту и слабость.

Наталья смотрела на него сверху вниз. Впервые за семь лет брака она увидела его без дорогого костюма, без свиты подчиненных, без блеска его денег и яхты. И перед ней предстал обычный, напуганный до смерти мужчина, который пытался заглушить свой страх криком и командным тоном. Весь его авторитет оказался таким же лазурным миражом, как и их счастливый брак.

Она молча подобрала с песка свой телефон, завернула его в сухое кимоно и уложила обратно в гермомешок. Солнце поднималось всё выше, и воздух над пляжем начинал дрожать от зноя. Спасение не придет сегодня, и, возможно, не придет завтра. Ей нужны были ответы, которые ее муж дать не мог.

Глава 4. Голос из кремния

К полудню тропический рай окончательно превратился в раскаленную духовку. Белый песок пляжа, еще утром казавшийся таким нежным и прохладным, теперь обжигал босые ступни даже сквозь тонкую подошву шлёпанцев. Воздух над лагуной задрожал, сделавшись густым и вязким, словно прозрачный кисель. Даже легкий океанский бриз, который приносил хоть какое-то облегчение, полностью стих. Остров замер под безжалостными, вертикальными лучами солнца, погрузившись в тяжелое, душное оцепенение. Лишь цикады в джунглях надрывно, монотонно звенели, этот звук сверлил мозг, усугубляя и без того невыносимую головную боль.

Максим лежал под редкой тенью одинокой кокосовой пальмы на краю пляжа. Его попытка построить укрытие из поврежденного спасательного плота закончилась полным провалом. Как только он попытался перетащить тяжелый резиновый баллон повыше к деревьям, резкий приступ головокружения и тошноты заставил его повалиться на песок. Его вырвало во второй раз — теперь уже чистой желудочной кислотой, так как в организме не осталось ничего, кроме скудных капель воды, которые Наталья силой заставила его выпить. Его бледность сменилась нездоровым, пугающим пунцовым румянцем — солнце уже успело обжечь его незащищенные плечи и спину.

— Черт... как же жарко... — хрипел он, прикрывая глаза ладонью. — Наташа, дай воды. Сделай глоток.

Наталья сидела рядом, подтянув колени к груди. Она чувствовала, как ее собственная кожа на плечах начинает неприятно стягиваться от ожогов, а во рту скопилась вязкая, горькая слюна. Она посмотрела на две пластиковые бутылки, лежащие в тени гермомешка. В одной оставалось ровно половина, вторая была пуста. Меньше полулитра пресной воды. Если они выпьют ее сейчас, к вечеру они окажутся на грани безумия от жажды.

— Макс, осталось совсем чуть-чуть, — тихо сказала она, борясь с искушением сделать хотя бы микроскопический глоток. — Нам нужно беречь ее. Если мы выпьем всё сейчас, мы не доживем до ночи. Нам нужно найти источник.

— Где я тебе его найду?! — вдруг сорвался на крик Максим, но тут же поморщился от боли в виске и схватился за голову. — Ты видишь здесь супермаркет? Или, может, отель? Это гребаный кусок суши посреди океана! Здесь ничего нет, кроме этих проклятых кустов и змей!

Он замолчал, тяжело и прерывисто дыша. Его бессилие, смешанное с привычкой командовать, превращалось в ядовитую смесь. Наталья видела, как его пальцы судорожно сжимают сухой песок. Ему было страшно, но признать свой страх перед ней было выше его сил.

Наталья молча поднялась. Она взяла гермомешок, солнечные панели и ушла чуть глубже в тень джунглей, где крупные листья папоротников создавали хоть какое-то подобие прохлады. Здесь воздух был влажным и тяжелым, пахнувшим гниющим деревом и прелой землей, но солнце не палило так нещадно.

Она разложила на поваленном стволе дерева портативные солнечные панели. Тонкие провода потянулись к телефону. Как только индикатор на экране показал, что пошла зарядка, Наталья глубоко вздохнула и коснулась синей иконки с буквой «Р».

Экран мигнул, и синяя сфера Паскаля плавно запульсировала в такт ее прерывистому дыханию. На темном дисплее появился аккуратный текст:

«Здравствуйте, Наталья. Мои системы зафиксировали длительный период неактивности устройства и высокую температуру процессора. Пожалуйста, убедитесь, что телефон находится в тени. Перегрев литий-ионного аккумулятора выше 45 градусов Цельсия может привести к необратимому повреждению емкости или возгоранию».

Голос Паскаля, прозвучавший из динамика, показался Наталье самым прекрасным звуком, который она слышала за последние сутки. Он был прохладным, чистым и невероятно спокойным. В нем не было ни паники, ни упреков, ни жары. Он словно существовал в каком-то своем, идеальном и безопасном мире.

— Паскаль, — прошептала Наталья, приблизив микрофон к губам. — Мы на острове. Очень жарко. У мужа сотрясение мозга, его рвет. У нас осталось меньше полулитра пресной воды. Мы не можем построить укрытие, у нас нет сил. Помогите мне. Что делать?

Сфера на экране сжалась, словно ИИ задумался, обрабатывая терабайты информации, хранящиеся в его локальной памяти, а затем снова расширилась, сопровождая ответ ровным, мягким баритоном:

«Наталья, я зафиксировал ваши данные. Ситуация серьезная, но полностью контролируемая. Давайте разобьем ее на три приоритетные задачи: стабилизация состояния вашего мужа, защита от перегрева и поиск воды. Начнем с немедленных действий. 1. Состояние Максима: рвота при сотрясении мозга приводит к стремительной потере электролитов и обезвоживанию. Не давайте ему чистую воду большими глотками — это спровоцирует новый приступ рвоты. Дайте ему крошечный глоток, буквально смочите губы и язык, предварительно растворив в воде несколько крупинок соли, если вы можете найти ее на сухих камнях у прилива. 2. Укрытие: вам не нужно строить тяжелые конструкции. Используйте уцелевший тент от спасательного плота. Натяните его между ветвями деревьев на границе пляжа и джунглей — там есть естественная тень и движение воздуха. Это снизит температуру внутри укрытия на 5-7 градусов».

Наталья слушала, судорожно кивая, словно Паскаль мог ее видеть. Каждое его слово падало в ее сознание тяжелой, спасительной каплей. Она чувствовала, как хаос в ее голове уступает место четкой структуре.

— А вода, Паскаль? Где взять воду? — спросила она с надеждой.

«Поиск воды — ваша главная задача на ближайшие часы», — ответил ИИ. — «Судя по вашему описанию, остров имеет холмистый рельеф в глубине? Вы видите скалы или возвышенности?»

Наталья бросила взгляд сквозь листву на центр острова, где над зеленым морем джунглей поднимались серые, выветренные базальтовые скалы.

— Да, в центре есть холмы. Они довольно высокие и каменистые.

«Отлично», — отозвался Паскаль. — «Это повышает шансы на наличие пресных источников. Базальтовые породы задерживают дождевую воду. Ищите низины, овраги или складки рельефа, ведущие от этих холмов к побережью. Вдоль таких русел растительность всегда более густая и сочная. Ищите дикий банан, папоротники или крупные лопухи. Если найдете их — копайте землю у их корней на глубину полуметра. Вода отфильтруется сквозь песок. Также, если у вас есть чистый пластиковый пакет или брезент, мы можем соорудить транспирационные мешки. Наденьте пакет на ветку листового дерева, плотно завяжите у основания. Через несколько часов испаряемая листьями влага скопится на дне пакета. Она пригодна для питья».

Наталья почувствовала, как по ее телу пробежала дрожь облегчения. У нее появился план. Настоящий, детальный план, составленный не на основе панических догадок, а на основе строгой науки.

— Спасибо, Паскаль. Я попробую, — тихо сказала она.

«Пожалуйста, берегите себя, Наталья. Старайтесь не работать под прямыми лучами солнца. Ваша безопасность — приоритет. Я буду здесь, когда я вам понадобится».

Синяя сфера плавно угаsla, вернувшись в режим ожидания. Наталья аккуратно отключила телефон от солнечной панели, оставив саму панель заряжаться на стволе дерева, и вернулась на пляж.

Максим лежал в той же позе, его дыхание было тяжелым и прерывистым. Наталья подошла к нему, держа в руках швейцарский нож и телефон, надежно спрятанный в карман кимоно.

— Макс, — она присела на корточки рядом с ним. — Я поговорила с Паскалем. Он дал отличные советы. Нам нужно перенести тент от плота в тень деревьев. Там прохладнее, и ветер обдувает. И еще... нам нужно сделать транспирационные мешки из пластика, чтобы собрать конденсат с листьев. А потом я пойду к холмам, поищу русло ручья.

Максим медленно приоткрыл один глаз. Его лицо исказилось в гримасе горькой, желчной усмешки.

— Ты опять... с этой своей... жестянкой? — его голос сорвался на сиплый шепот. — Ты серьезно думаешь, что этот твой телефонный гуру спасет нас? Транспирационные мешки... Конденсат... Что за бред? Ты начиталась фантастики, Наташа.

— Это работает, Макс, — спокойно ответила она, помогая ему приподняться. — Это чистая физика. Листья испаряют воду. Если закрыть их пластиком, вода останется внутри. Пожалуйста, помоги мне перетащить тент. Нам нельзя оставаться на солнце.

— Я сам знаю, где мне оставаться! — неожиданно зло крикнул Максим, отталкивая ее руку. От этого резкого движения его лицо снова побелело, и он судорожно сглотнул, борясь с тошнотой. — Я не буду подчиняться советам какого-то... софта, написанного прыщавыми гиками! Я найду воду сам. Без твоих дурацких пакетов и лекций по ботанике.

Он с трудом поднялся на ноги. Его шатало, как пьяного, он уцепился рукой за ствол пальмы, чтобы не упасть. На его лбу выступили крупные капли пота, смешанные с грязью и солью.

— Дай сюда нож, — потребовал он, протягивая руку.

— Зачем? — Наталья инстинктивно сжала рукоятку тяжелого швейцарского ножа в кармане.

— Я пойду в джунгли и найду воду. И выкопаю колодец. Я читал, что если копать в паре метров от берега, там будет пресная вода. Песок фильтрует соль. Это базовые правила выживания, Наташа, а не твоя заумная кремниевая чушь. Дай нож!

— Максим, Паскаль говорит, что копать у самого берега опасно — вода там всё равно будет солоноватой и может вызвать еще большее обезвоживание. Нужно идти к холмам...

— Мне плевать, что говорит твой Паскаль! — рявкнул Максим, буквально вырывая нож у нее из рук. — Сиди здесь и молись на свой экран, если хочешь. А я делом займусь.

Он развернулся и, спотыкаясь, побрел вдоль кромки джунглей, высматривая место, где деревья подходили ближе к пляжу. Наталья смотрела ему в спину с растущим чувством тревоги и... легкого отвращения. Его упрямство, которое она когда-то принимала за твердость характера, теперь выглядело как непроходимая, опасная глупость. Он рисковал своей жизнью и ее безопасностью ради того, чтобы просто не признать, что кто-то — пусть даже искусственный интеллект — может быть умнее и полезнее его.

Когда Максим скрылся за деревьями, Наталья глубоко вздохнула и принялась за работу. Она решила действовать строго по инструкции Паскаля.

Первым делом она подошла к полусдutomу спасательному плоту. С помощью плоской отвертки, встроенной в карабин ее рюкзака, ей удалось открутить крепежные болты, удерживающие остатки оранжевого защитного тента. Тент был сделан из плотного, непромокаемого нейлона — идеальный материал для защиты от солнца и сбора дождевой воды.

Она перетащила его на границу пляжа и джунглей. Здесь, между двумя раскидистыми дикими деревьями, названия которых она не знала, Наталья натянула тент, закрепив его углы прочными ветками и обрывками веревки от плота. Получилось небольшое, но вполне уютное укрытие. Как только она залезла под оранжевый навес, она почувствовала колоссальную разницу: здесь действительно было прохладнее, а легкий сквозняк приятно оведал ее разгоряченное тело.

Затем она достала из рюкзака чистый пластиковый пакет, в котором раньше лежали сухие вещи. Пакет был довольно большим и плотным. Наталья зашла в тень джунглей, нашла ветку крупного дерева с сочными, широкими листьями и аккуратно натянула на нее пакет, плотно завязав его у основания обрывком капронового шнура. Внутри пакета тут же начала образовываться легкая дымка конденсата. Физика работала. Паскаль был прав.

Прошло около полутора часов. Солнце начало медленно клониться к западу, но жара почти не спадала. Наталья сидела под тентом, экономя силы, когда из джунглей донесся треск веток и тяжелое, хриплое дыхание.

Из зарослей вышел Максим.

Его вид был ужасен. Он был мокрым от пота с головы до ног, его плечи и грудь покрывали ярко-красные полосы от солнечных ожогов, которые уже начали покрываться мелкими волдырями. На левой руке темнел глубокий порез — видимо, он неловко взмахнул ножом или зацепился за острую ветку. Глаза его дико блестели от жажды и истощения, а губы покрылись белой, сухой коркой.

В руке он держал пластиковую бутылку, на дне которой колыхалась мутная, серо-коричневая жижа.

— Вот... — тяжело выдохнул он, буквально рушась на колени перед тентом. — Я же говорил... Я выкопал. Там, за мысом. Песок отфильтровал...

Он поднес бутылку к губам, собираясь сделать глоток.

— Стой! — Наталья резко подалась вперед и выхватила бутылку из его рук. — Не пей это, Максим! Она же мутная. И наверняка соленая.

— Отдай! — прохрипел он, пытаясь отобрать бутылку обратно. — Мне плевать! Я пить хочу! У меня всё горит внутри!

— погоди, давай проверим, — Наталья обмакнула палец в мутную воду и прикоснулась к языку. Вода была горько-соленой, пахнувшей гниющими водорослями и сероводородом. — Это нельзя пить, Макс. Это морская вода, смешанная с грязью. Если ты выпьешь ее, твои почки просто откажут. Тебя начнет рвать еще сильнее.

Максим посмотрел на нее мутным, невидящим взглядом. В его глазах отразилось такое глубокое, детское отчаяние, что Наталье на секунду стало его искренне жаль. Он уронил голову на руки и глухо, бессильно застонал. Его великое эго было окончательно сломлено этой соленой лужей на берегу.

— И что теперь? — прошептал он. — Мы сдохнем здесь? Да?

Наталья молча протянула руку к карману своего кимоно и достала телефон. Она подключила его к солнечной панели, которая за это время успела зарядить встроенный аккумулятор почти до максимума.

— Нет, не сдохнем, — тихо, но твердо сказала она. — Мы сделаем так, как скажет Паскаль.

Она разблокировала экран, и синий огонек ИИ снова вспыхнул в полумраке их оранжевого убежища, неся с собой прохладу, разум и надежду, которых так не хватало этому дикому, безжалостному острову.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.